

ГЛАВА I.

Наконецъ я возвратился изъ моей двухнедѣльной отлучки. Наши уже три дня, какъ были въ Рулетенбургѣ. Я думалъ, что они и Богъ знаеть какъ ждуть меня, однакожъ ошибся. Генераль смотрѣлъ чрезвычайно независимо, поговорилъ со мной свысока и отослалъ меня къ сестрѣ. Было ясно, что они гдѣ нибудь перехватили денегъ. Мнѣ показалось даже, что генералу нѣсколько совсѣмъ глядѣть на меня. Марья Филипповна была въ чрезвычайныхъ хлопотахъ и поговорила со мною слегка; деньги однакожъ приняла, сосчитала и выслушала весь мой рапортъ. Къ обѣду ждали Мезенцова, французыка и еще какого-то англичанина; какъ водится, деньги есть, такъ тотчасъ и званый обѣдъ; по-московски. Полина Александровна, увидѣвъ меня, спросила: что я такъ долго? и не дождавшись отвѣта, ушла куда-то. Разумѣется, она сдѣлала это нарочно. Намъ однакожъ надо объясниться. Много накопилось.

Мнѣ отвели маленькую комнатку, въ четвертомъ этажѣ отеля. Здѣсь извѣстно, что я принадлежу къ *свите генерала*. По всему видно, что они успѣли-таки дать себя знать. Генерала считаютъ здѣсь всѣ богатѣйшимъ русскимъ вельможей. Еще до обѣда, онъ успѣлъ, между другими порученіями, дать мнѣ два тысячефранковыхъ билета размѣнить. Я размѣнялъ ихъ въ конторѣ отеля. Теперь на насъ будутъ смотрѣть, какъ на миллионеровъ, по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Я хотѣлъ было взять Мишу и Надю и пойдти съ ними гулять; но съ лѣстницы меня позвали къ генералу; ему заблагоразсудилось освѣдомиться, куда я ихъ поведу? Этотъ человѣкъ рѣшительно не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; онъ бы и очень хотѣлъ, но я каждый разъ отвѣчаю ему такимъ пристальнымъ, т. е. непочтительнымъ взглядомъ, что онъ какъ будто конфузится. Въ весьма напыщенной рѣчи, насаживая одну фразу на другую, и, наконецъ, совсѣмъ запутавшись, онъ даль мнѣ понять, чтобы я гулялъ съ дѣтьми гдѣ нибудь, подальше отъ воксала, въ паркѣ. Наконецъ онъ разсердился совсѣмъ и круто прибавилъ: «А то вы пожалуй ихъ въ воксалъ, на рулетку, поведете. Вы меня извините, прибавилъ онъ, но я знаю, вы еще довольно легкомысленны, и способны, пожалуй, играть. Во всякомъ случаѣ, хоть я и не менторъ вашъ, да и роли такой на себя брать не желаю, но, по крайней мѣрѣ, имѣю право пожелать, чтобы вы, такъ сказать, меня-то не окомпрометировали...»

— Да вѣдь у меня и денегъ нѣть, отвѣчалъ я спокойно; — чтобы проиграться, нужно ихъ имѣть.

— Вы ихъ немедленно получите, отвѣтилъ генераль, покраснѣвъ немнogo, порылся у себя въ бюро, справился въ книжкѣ и оказалось, что за нимъ моихъ денегъ около 120 рублей.

— Какъ-же мы сосчитаемся, заговорилъ онъ, надо переводить на талеры. Да вотъ возьмите 100 талеровъ, круглымъ счетомъ, — осталъное, конечно, не пропадетъ.

Я молча взялъ деньги.

— Вы пожалуста не обижайтесь моими словами, вы такъ обидчивы... Если я вамъ замѣтилъ, то я, такъ сказать, васъ предостерегъ, и ужъ, конечно, имѣю на то нѣкоторое право...

Возвращаясь предъ обѣдомъ съ дѣтьми домой, я встрѣтилъ цѣлую кавалькаду. Наши ъездили осматривать какія-то развалины. Двѣ превосходныя коляски, великолѣпныя лошади! *Mademoiselle Blanche* въ одной коляскѣ съ Марьей Филипповной и Полиной; французикъ, англичанинъ и нашъ генераль верхами. Прохожіе останавливались и смотрѣли; эффектъ былъ произведенъ; только генералу не сдѣлать. Я разсчиталъ, что съ четырьмя тысячами франковъ, которыя я привезъ, да прибавивъ сюда то, что они очевидно успѣли перехватить, у нихъ теперь есть семь или восемь тысяч франковъ; этого слишкомъ мало для *m-lle Blanche*.

M-lle Blanche стоитъ тоже въ нашемъ отелѣ, вмѣстѣ съ матерью; гдѣ-то тутъ-же и нашъ французикъ. Лакеи называютъ его «*M-r le comte*», мать, *M-lle Blanche*, называется «*m-me la comtesse*»; чтожъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, они *comte et comtesse*.

Я такъ и зналъ, что *m-r le comte* меня не узнаетъ, когда мы соединимся за обѣдомъ. Генераль, конечно, и не подумалъ бы насть знакомить или хоть меня ему отрекомендовать; а *m-r le comte* самъ бывалъ въ Россіи и знаетъ, какъ не велика птица — то, что они называютъ *outchitel*. Онъ, впрочемъ, меня очень хорошо знаетъ. Но, признаться, я и къ обѣду-то явился непрошеннымъ; кажется, генераль позабылъ распорядиться, а то бы навѣрно послалъ меня обѣдать за *table d'hôt'omъ*. Я явился самъ, такъ что генераль посмотрѣлъ на меня съ неудовольствіемъ. Добрая Марья Филипповна тотчасъ же указала мнѣ мѣсто; но встрѣча съ мистеромъ Астлеемъ меня выручила и я, поневолѣ, оказался принадлежащимъ къ ихъ обществу.

Этого странного англичанина я встрѣтилъ сначала въ Пруссіи, въ вагонѣ, гдѣ мы сидѣли другъ противъ друга, когда я догонялъ нашихъ; потомъ я столкнулся съ нимъ въѣзжая во Францію, наконецъ въ Щвейцаріи; въ теченіе этихъ двухъ недѣль два раза — и вотъ теперь я вдругъ встрѣтилъ его уже въ Рулетенбургѣ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе застѣнчиваго; онъ застѣнчивъ до глупости и самъ,

конечно, знаетъ объ этомъ, потому что онъ вовсе не глупъ. Впрочемъ онъ очень милый и тихій. Я заставилъ его разговориться при первой встречѣ въ Пруссіи. Онъ объявилъ мнѣ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Нордъ-Капѣ и что весьма хотѣлось ему быть на Нижегородской ярмаркѣ. Не знаю, какъ онъ познакомился съ генераломъ; мнѣ кажется, что онъ безпредѣльно влюбленъ въ Полину. Когда она вошла, онъ вспыхнулъ, какъ зарево. Онъ былъ очень радъ, что за столомъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и кажется уже считаетъ меня своимъ закадычнымъ другомъ.

За столомъ французикъ тонировалъ необыкновенно; онъ со всѣми небреженіемъ и важеніемъ. А въ Москвѣ, я помню, пускалъ мыльные пузыри. Онъ ужасно много говорилъ о финансахъ и о русской политикѣ. Генераль иногда осмѣливался противорѣчить, — но скромно, единственно на столько, чтобы не уронить окончательно своей важности.

Я былъ въ странномъ настроеніи духа; разумѣется, я еще до половины обѣда успѣлъ задать себѣ мой обыкновенный и всегдашній вопросъ: «зачѣмъ я валандаюсь съ этимъ генераломъ и давнымъ давно не отхожу отъ нихъ?» Изрѣдка я взглядывалъ на Полину Александровну; она совершенно не примѣчала меня. Кончилось тѣмъ, что я разозлился и рѣшился грубить.

Началось тѣмъ, что я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, громко и безъ спросу ввязался въ чужой разговоръ. Мнѣ, главное, хотѣлось поругаться съ французикомъ. Я оборотился къ генералу и вдругъ совершенно громко и отчетливо и, кажется, перебивъ его, замѣтилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ русскимъ почти совсѣмъ нельзя обѣдать въ отеляхъ за табль-д'отами. Генераль устремилъ на меня удивленный взглядъ.

— Если вы человѣкъ себя уважающій, пустился я далѣе, — то непремѣнно напроситесь на ругательства, и должны выносить чрезвычайные щелчки. Въ Парижѣ и на Рейнѣ, даже въ Швейцаріи, за табль-д'отами такъ много полячишекъ и имъ сочувствующихъ французиковъ, что нѣть возможности вымолвить слова, если вы только русскій.

Я проговорилъ это по-французски. Генераль смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, не зная, разсердиться ли ему, или только удивиться, что я такъ забылся.

— Значитъ васъ кто нибудь и гдѣ нибудь проучилъ, сказалъ французикъ небрежно и презрительно.

— Я въ Парижѣ сначала поругался съ однимъ полякомъ, отвѣтилъ я, — потомъ съ однимъ французскимъ офицеромъ, который поляка поддерживалъ. А затѣмъ ужъ часть французовъ перешла на мою сторону, когда я имъ рассказалъ, какъ я хотѣлъ плюнуть въ кофе монсіньора.

— Плюнуть? спросилъ генераль съ важнымъ недоумѣніемъ, и даже осматриваясь. Французы оглядывали меня недовѣрчиво.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ я. Такъ какъ я цѣлыхъ два дня былъ убѣжденъ, что придется, можетъ быть, отправиться по нашему дѣлу на минутку въ Римъ, то и пошелъ въ канцелярію посольства святѣйшаго отца въ Парижѣ, чтобы визировать паспортъ. Тамъ меня встрѣтилъ аббатикъ, лѣтъ пятидесяти, сухой и съ морозомъ въ физіономіи, и выслушавъ меня вѣжливо, но чрезвычайно сухо, просилъ подождать. Я хотѣ и спѣшилъ, но, конечно, сѣль ждать, вынуль «Opinion nationale» и сталъ читать страшнѣйшее ругательство противъ Россіи. Между тѣмъ я слышалъ, какъ чрезъ сосѣднюю комнату кто-то прошелъ къ монсіньору; я видѣлъ, какъ мой аббатъ раскланивался. Я обратился къ нему съ прежнею просьбою; онъ еще суще попросилъ меня опять подождать. Немного спустя вошелъ кто-то еще незнакомый, но за дѣломъ, — какой-то австріецъ; его выслушали и тотчасъ же проводили на верхъ. Тогда мнѣ стало очень досадно; я всталъ, подошелъ къ аббату и сказалъ ему рѣшительно, что такъ какъ монсіньоръ принимаетъ, то можетъ кончить и со мною. Вдругъ аббатъ отшатнулся отъ меня съ необычайнымъ удивленіемъ. Ему просто непонятно стало, какимъ это образомъ смѣяться ничтожный русскій равнять себя съ гостями монсіньора? Самымъ нахальнымъ тономъ, какъ бы радуясь, что можетъ меня оскорбить, обмѣрилъ онъ меня съ ногъ до головы и вскричалъ: — «Такъ неужели же вы думаете, что монсіньоръ бросить для васъ свой кофе?» Тогда и я закричалъ, но еще сильнѣе его: — «Такъ знайте-жъ, что мнѣ наплевать на кофе вашего монсіньора! Если вы сюю же минуту не кончите съ моимъ паспортомъ, то я пойду къ нему самому».

— «Какъ! въ то время, когда у него сидить кардиналъ!» закричалъ аббатикъ, съ ужасомъ отъ меня отстраняясь, бросился къ дверямъ и разставилъ крестомъ руки, показывая видъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ меня пропустить.

Тогда я отвѣтилъ ему, что я еретикъ и варваръ, «que je suis hѣrѣtique et barbare», и что мнѣ все эти архіепископы, кардиналы, монсіньоры и проч. и проч. — все равно. Однимъ словомъ, я показалъ видъ, что не отстану. Аббатъ поглядѣлъ на меня съ безконечною злобою, потомъ вырвалъ мой паспортъ и унесъ его на верхъ. Чрезъ минуту онъ былъ уже визированъ. Вотъ-съ, не угодно ли посмотрѣть? — Я вынуль паспортъ и показалъ римскую визу.

— Вы это, однако-же, началь было генералъ...

— Васть спасло, что вы объявили себя варваромъ и еретикомъ, замѣтилъ усмѣхаясь французы. «Cela n'est pas si bête».

— Такъ неужели смотрѣть на нашихъ русскихъ? Они сидѣть здѣсь — пикнуть не смѣютъ и готовы, пожалуй, отречься отъ того, что они русскіе. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ моемъ отелѣ со мною стали обращаться гораздо внимательнѣе, когда я всѣмъ рассказалъ о моей дракѣ съ аббатомъ. Толстый польскій панъ, самый враждебный ко мнѣ человѣкъ за табль-д'отомъ, стушевался на второй планъ. Французы даже перенесли, когда я рассказалъ, что года два тому назадъ видѣлъ человѣка, въ котораго французскій егеръ, въ двѣнадцатомъ году, выстрѣлилъ — единственно только для того, чтобы разрядить ружье. Этотъ человѣкъ былъ тогда еще десятилѣтнимъ ребенкомъ и семейство его не успѣло выѣхать изъ Москвы.

— Этого быть не можетъ, вскипѣль французыкъ, — французскій солдатъ не станетъ стрѣлять въ ребенка!

— Между тѣмъ это было, отвѣчалъ я. Это мнѣ рассказалъ почтенный отставной капитанъ, и я самъ видѣлъ шрамъ на его щекѣ отъ пули.

Французъ началъ говорить много и скоро. Генераль сталъ было его поддерживать, но я рекомендовалъ ему прочесть, хоть напримѣръ, отрывки изъ «Записокъ» генерала Перовскаго, бывшаго въ двѣнадцатомъ году въ плѣну у французовъ. Наконецъ Марья Филипповна о чѣмъ-то заговорила, чтобы перебить разговоръ. Генераль былъ очень недоволенъ мною, потому что мы, съ французомъ, уже почти начали кричать. Но мистеру Астлею мой споръ съ французомъ, кажется, очень понравился; вставая изъ-за стола, онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ рюмку вина. Вечеромъ, какъ и слѣдовало, мнѣ удалось съ четверть часа поговорить съ Полиной Александровной. Разговоръ нашъ состоялся на прогулкѣ. Всѣ пошли въ паркъ къ вокзалу. Полина сѣла на скамейку противъ фонтана, а Наденьку пустила играть недалеко отъ себя съ дѣтьми. Я тоже отпустилъ къ фонтану Мишу, и мы остались наконецъ одни.

Сначала начали, разумѣется, о дѣлахъ. Полина просто разсердилась, когда я передалъ ей всего только семьсотъ гульденовъ. Она была увѣрена, что я ей привезу изъ Парижа, подъ залогъ ея брилліантовъ, по крайней мѣрѣ двѣ тысячи гульденовъ, или даже болѣе.

— Мнѣ, во чтобы ни стало, нужны деньги, сказала она, — и ихъ надо добыть; иначе, я просто погибла.

Я сталъ разспрашивать о томъ, что сдѣлалось въ мое отсутствіе.

— Больше ничего, что получены изъ Петербурга два извѣстія: сначала, что бабушкѣ очень плохо, а черезъ два дня, что, кажется, она уже умерла. Это извѣстіе отъ Тимофея Петровича, прибавила Полина, — а онъ человѣкъ точный. Ждемъ послѣдняго, окончательнаго извѣстія.

— И такъ, здѣсь всѣ въ ожиданій? спросилъ я.

— Конечно: всѣ и все; цѣлые полгода на одно это только и надѣялись.

— И вы надѣетесь? спросилъ я.

— Вѣдь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица. Но я знаю навѣрно, что она обо мнѣ вспомнить въ завѣщаній.

— Мнѣ кажется, вамъ очень много достанется, сказалъ я утвердительно.

— Да, она меня любила; но почему вамъ это кажется?

— Скажите, отвѣчалъ я вопросомъ, — нашъ маркизъ кажется тоже посвященъ во всѣ семейныя тайны?

— А вы сами къ чему объ этомъ интересуетесь? спросила Полина, поглядѣвъ на меня сурово и сухо.

— Еще бы; если не ошибаюсь, генераль успѣль уже занять у него денегъ.

— Вы очень вѣрно угадываете.

— Ну, такъ далъ ли бы онъ денегъ, если бы не зналъ про бабуленьку? Замѣтили ли вы, за столомъ: онъ раза три, что-то говоря о бабушкѣ, назвалъ ее бабуленькой: *«la baboulinka»*. Какія короткія и какія дружественныя отношенія!

— Да, вы правы. Какъ только онъ узнаетъ, что и мнѣ что нибудь по завѣщанію досталось, то тотчасъ же ко мнѣ и посватается. Это, что ли, вамъ хотѣлось узнать?

— Еще только посватается? Я думалъ, что онъ давно сватается.

— Вы отлично хорошо знаете, что нѣтъ! съ сердцемъ сказала Полина. Гдѣ вы встрѣтили этого англичанина? прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я такъ и зналъ, что вы о немъ сейчасъ спросите.

Я рассказалъ ей о прежнихъ моихъ встрѣчахъ съ мистеромъ Астлеемъ по дорогѣ. — Онъ застѣнчивъ и влюбчивъ, и ужь конечно влюбленъ въ васъ?

— Да, онъ влюбленъ въ меня, отвѣчала Полина.

— И ужь конечно онъ въ десять разъ богаче француза. Что, у француза дѣйствительно есть что нибудь? Не подвержено это сомнѣнію?

— Не подвержено. У него есть какой-то *château*. Мнѣ еще вчера генераль говорилъ объ этомъ рѣшительно. Ну, что, довольно съ вѣсью?

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, непремѣнно вышла за мужъ за англичанина.

— Почему? спросила Полина.

— Французъ красивѣе, но онъ подлѣ; а англичанинъ, сверхъ того что честенъ, еще въ десять разъ богаче, — отрѣзалъ я.

— Да; но за то французъ маркизъ — и умнѣе, — отвѣтила она наиспокойнѣйшимъ образомъ.

— Да вѣрно ли? продолжалъ я по прежнему.

— Совершенно такъ.

Полинѣ ужасно не нравились мои вопросы и я видѣлъ, что ей хотѣлось разозлить меня тономъ и дикостю своего отвѣта; я обѣ этомъ ей totчасъ же сказалъ.

— Что-жъ, меня дѣйствительно развлекаетъ, какъ вы бѣситесь. Ужъ за одно то, что я позволяю вамъ дѣлать такие вопросы и догадки, слѣдуетъ вамъ расплатиться.

— Я дѣйствительно считаю себя въ правѣ дѣлать вамъ всякие вопросы, отвѣчалъ я спокойно — именно, потому что готовъ какъ угодно за нихъ расплатиться, и свою жизнь считаю теперь ни во что.

Полина захохотала:

— Вы мнѣ въ послѣдній разъ, на Шлангенбергѣ, сказали, что готовы по первому моему слову броситься внизъ головою, а тамъ, кажется, до тысячи футовъ. Я когда нибудь произнесу это слово, единственно затѣмъ, чтобы посмотреть, какъ вы будете расплачиваться, и ужъ будьте увѣрены, что выдержу характеръ. Вы мнѣ ненавистны, — именно тѣмъ, что я такъ много вамъ позволила, и еще ненавистнѣе тѣмъ, что такъ мнѣ нужны. Но покамѣстъ вы мнѣ нужны — мнѣ надо вѣсть беречь.

Она стала вставать. Она говорила съ раздраженіемъ. Въ послѣднее время она всегда кончала со мною разговоръ со злобою и раздраженіемъ, съ настоящею злобою.

— Позвольте вѣсть спросить, что такое m-lle Blanche? спросилъ я, не желая отпустить ее безъ объясненія.

— Вы сами знаете, что такое m-lle Blanche. Больше ничего съ тѣхъ поръ не прибавилось. M-lle Blanche навѣрно будетъ генеральшей, — разумѣется, если слухъ о кончинѣ бабушки подтвердится, потому что и m-lle Blanche, и ея матушка, и троюродный cousin-маркизъ, — всѣ очень хорошо знаютъ, что мы разорились.

— А генераль влюбленъ окончателно?

— Теперь не въ этомъ дѣло. Слушайте и запомните: возьмите эти семьсотъ флориновъ и ступайте играть, выиграйте мнѣ на рулеткѣ сколько можете больше; мнѣ деньги, во чтобы ни стало, теперь нужны.

Сказавъ это, она кликнула Наденьку и пошла къ воксалу, гдѣ и присоединилась ко всей нашей компаніи. Я же свернулъ на первую попавшуюся дорожку влѣво, обдумывая и удивляясь. Меня точно въ голову ударило послѣ приказанія идти на рулетку. Странное дѣло: мнѣ было о чёмъ раздуматься, а между тѣмъ я весь погрузился въ анализъ

ощущений моих чувствъ къ Полинѣ. Право, мнѣ было легче въ эти днѣ недѣли отсутствія, чѣмъ теперь, въ день возвращенія, хотя я, въ дорогѣ, и тосковалъ какъ сумасшедшій, метался, какъ угорѣлый и даже во снѣ поминутно видѣть ее предъ собою. Разъ (это было въ Швейцаріи), заснувъ въ вагонѣ, я кажется заговорилъ вслухъ съ Полиной, чѣмъ разсмѣшилъ всѣхъ сидѣвшихъ со мной проѣзжихъ. И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю ли я ее? И еще разъ не сѣмѣль на него отвѣтить, т. е., лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты, (а именно, каждый разъ при концѣ нашихъ разговоровъ), что я отдалъ бы поль-жизни, чтобъ задушить ее! Клянусь, если-бы возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святаго, если бы, на Шлангенбергѣ, на модномъ пунантѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ. Я зналъ это. Такъ или эдакъ, но это должно было разрѣшиться. Все это она удивительно понимаетъ, и мысль о томъ, что я вполнѣ вѣрно и отчетливо сознаю всю ея недоступность для меня, всю невозможность исполненія моихъ фантазій, — эта мысль, я увѣренъ, доставляетъ ей чрезвычайное наслажденіе; иначе могла ли бы она, осторожная и умная, быть со мною въ такихъ короткостяхъ и откровенностяхъ? Мнѣ кажется, она до сихъ поръ смотрѣла на меня, какъ та древняя императрица, которая стала раздѣваться при своемъ невольнику, считая его не за человѣка. Да, она много разъ считала меня не за человѣка...

Однакоожъ, у меня было ея порученіе — выиграть на рулеткѣ, во что бы ни стало. Мнѣ некогда было раздумывать: для чего и какъ скоро надо выиграть и какія новыя соображенія родились въ этой вѣчно разсчитывающей головѣ? Къ тому же въ эти днѣ недѣли очевидно прибавилась бездна новыхъ фактовъ, объ которыхъ я еще не имѣлъ понятія. Все это надо было угадать, во все проникнуть, и какъ можно скорѣе. Но, покамѣстъ, теперь было некогда: надо было отправляться на рулетку.

ГЛАВА II.

Признаюсь, мнѣ это было непріятно; я хоть и рѣшилъ, что буду играть, но вовсе не располагалъ начинать для другихъ. Это даже сбивало меня нѣсколько съ толку, и въ игорныя залы я вошелъ съ предосаденнымъ чувствомъ. Мнѣ тамъ, съ первого взгляда, все не понравилось. Терпѣть я не могу этой лакейшины въ фельетонахъ цѣлаго свѣта и пре-

имущественно въ нашихъ русскихъ газетахъ, гдѣ почти каждую весну наши фельетонисты рассказываютъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о необыкновенномъ великолѣпіи и роскоши игорныхъ залъ въ рулеточныхъ городахъ на Рейнѣ, а во-вторыхъ — о грудахъ золота, которыя, будто бы, лежать на столахъ. Вѣдь не платить же имъ за это; это, такъ просто, рассказывается изъ безкорыстной угодливости. Никакого великолѣпія нѣть въ этихъ дрянныхъ залахъ, а золота не только нѣть грудами на столахъ, но и чуть-чуть-то едва ли бываетъ. Конечно, кой-когда, въ продолженіе сезона, появится вдругъ какой нибудь чудакъ, или англичанинъ или азіатъ какой нибудь, турокъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и вдругъ проиграетъ или выиграетъ очень много; остальные же всѣ играютъ на мелкіе гульдены и, среднимъ числомъ, на столѣ всегда лежить очень мало денегъ. Какъ только я вошелъ въ игорную залу (въ первый разъ въ жизни), я нѣкоторое время еще не рѣшался играть. Къ тому же тѣснила толпа. Но еслиъ я быль и одинъ, то и тогда бы, я думаю, скорѣе ушелъ, а не началъ играть. Признаюсь, у меня стукало сердце и я быль не хладнокровенъ; я навѣрное зналъ и давно уже рѣшилъ, что изъ Рулетенбурга такъ не выѣду; что нибудь непремѣнно произойдетъ въ моей судьбѣ радикальное и окончательное. Такъ надо, и такъ будетъ. Какъ это ни смѣшно, что я такъ много жду для себя отъ рулетки, но мнѣ кажется, еще смѣшнѣе рутинное мнѣніе, всѣми признанное, что глупо и нелѣпо ожидать чего нибудь отъ игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добыванія денегъ, напримѣръ хоть торговли? Оно правда, что выигрываетъ изъ сотни одинъ. Но — какое мнѣ до того дѣло?

Во всякомъ случаѣ, я опредѣлилъ сначала присмотрѣться и не начинать ничего серьезнаго въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ, еслиъ что и случилось, то случилось бы нечаянно и слегка, — и я такъ и положиль. Къ тому же, надо было и саму игру изучить; потому что, не смотря на тысячи описаній рулетки, которыя я читалъ всегда съ такою жадностію, я рѣшительно ничего не понималъ въ ея устройствѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ.

Во-первыхъ, мнѣ все показалось такъ грязно, — какъ-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадныя и беспокойныя лица, которыя десятками, даже сотнями, обступаютъ игорные столы. Я рѣшительно не вижу ничего грязнаго въ желаніи выиграть поскорѣе и побольше; мнѣ всегда казалась очень глупою мысль одного отъѣвшагося и обезпеченного моралиста, который на чье-то оправданіе: что «вѣдь играютъ по маленькой», отвѣчалъ — тѣмъ хуже, потому что мелкая корысть. Точно: мелкая корысть и крупная корысть — не все равно. Это дѣло пропорціональное. Что для Ротшильда мелко, то для

меня очень богато, а на счетъ наживы и выигрыша, такъ люди и не на рулеткѣ, а и вездѣ только и дѣлаютъ, что другъ у друга что нибудь отбираютъ или выигрываютъ. Гадки ли вообще нажива и барышъ, — это другой вопросъ. Но здѣсь я его не рѣшаю. Такъ какъ я и самъ былъ въ высшей степени одержанъ желаніемъ выигрыша, то вся эта корысть, и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мнѣ, при входѣ въ залу, какъ-то сподручнѣе, родственнѣе. Самое милое дѣло, когда другъ друга не церемонятся, а дѣйствуютъ открыто и на распашку. Да и къ чему самого себя обманывать? Самое пустое и не разсчетливое занятіе! Особенно некрасиво, на первый взглядъ, во всей этой рулеточной сволочи, было то уваженіе къ занятію, та серьезность, и даже почтительность, съ которыми всѣ обступали столы. Вотъ почему здѣсь рѣзко различено, какая игра называется *tauvais genr'omъ* и какая позволительна порядочному человѣку. Есть двѣ игры, одна — джентльменская, а другая плебейская, корыстная, игра всякой сволочи. Здѣсь это строго различено и — какъ это различіе въ сущности подло! Джентльменъ, напримѣръ, можетъ поставить пять или десять луидоровъ, рѣдко болѣе, впрочемъ можетъ поставить и тысячу франковъ, если очень богатъ, но собственно для одной игры, для одной только забавы, собственно для того, чтобы посмотреть на процессъ выигрыша или проигрыша; но отнюдь не долженъ интересоваться самимъ выигрышемъ. Выигравъ, онъ можетъ, напримѣръ, вслухъ засмѣяться, сдѣлать кому нибудь изъ окружающихъ свое замѣчаніе, даже можетъ поставить еще разъ, и еще разъ удвоить, но единственно только изъ любопытства, для наблюденія надъ шансами, для вычисленій, а не изъ плебейского желанія выиграть. Однимъ словомъ, на всѣ эти игорные столы рулетки и *trente et quarante* онъ долженъ смотрѣть не иначе, какъ на забаву, устроенную единственно для его удовольствія. Корысти и ловушки, на которыхъ основанъ и устроенъ банкъ, онъ долженъ даже и не подозрѣвать. Очень и очень не дурно было бы даже, еслибъ ему, напримѣръ, показалось, что и всѣ эти остальные игроки, вся эта дрянь, дрожащая надъ гульденомъ, — совершенно такие же богачи и джентльмены какъ и онъ самъ, и играютъ единственно для одного только развлеченія и забавы. Это совершенное незнаніе дѣйствительности и невинный взглядъ на людей были бы, конечно, чрезвычайно аристократичными. Я видѣлъ, какъ многія маменьки выдвигали впередъ невинныхъ и изящныхъ, пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ миссъ, своихъ дочекъ, и, давши имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, учили ихъ, какъ играть. Барышня выигрывала или проигрывала, непремѣнно улыбалась и отходила очень довольная. Нашъ генераль солидно и важно подошелъ къ столу; лакей бросился было подать ему стулъ, но онъ не замѣтилъ лакея; очень долго вынималъ кошелекъ, очень долго вынималъ